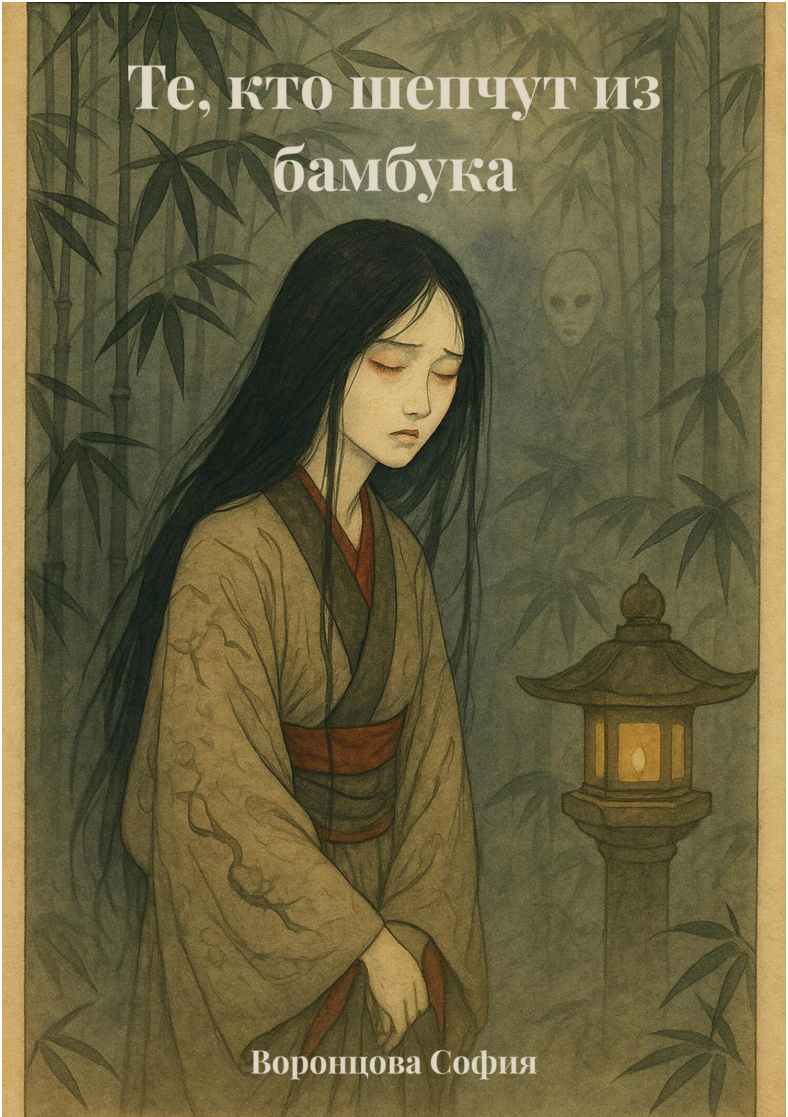
Те, кто шепчут из бамбука



Воронцова София

София Владимировна Воронцова

Те, кто шепчут из бамбука

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71944579
SelfPub; 2025

Аннотация

В Японии эпохи Эдо, в маленькой деревушке, затерянной среди бамбуковых рощ, живёт молодая женщина по имени Аой – странная, молчаливая, с глазами цвета затухающего пламени. Считается, что она – «кагэ-но мусумэ» – дочь тени, и что по ночам она слышит шёпот духов сквозь листья бамбука.

Когда в деревню прибывает молодой художник Сэйдзи, бегущий от своей прошлой жизни в Эдо, он оказывается втянут в странные события: пропавшие люди, необъяснимые сны, обрывки чужих воспоминаний, что вторгаются в его разум. Вместе с Аой они пытаются понять, что связывает их судьбы с древними легендами о лесных духах – кодама, и почему сам лес начал дышать и говорить.

Но чем глубже они погружаются в мистику рощи, тем яснее становится: тьма не всегда приходит извне – иногда она живёт внутри.

Содержание

Глава 1. Свет фонаря и шепоты тени 4
Глава 2. Девушка у фонаря 17
Конец ознакомительного фрагмента. 27

София Воронцова
Те, кто шепчут из бамбука

Глава 1. Свет фонаря и шепоты тени

Бамбуковая роща тихо шумела. Казалось, что деревья разговаривают между собой – лёгкий шелест листьев, скрип стеблей, будто кто-то шепчет. Ветер был слабый, но звуки не прекращались. Иногда можно было подумать, что лес живой. Деревня Ямагири была спрятана в горах, далеко от больших дорог. Время там шло медленно. Жители вставали с первыми лучами солнца и ложились спать сразу после захода. Все жили просто: выращивали рис, собирали чай, чинили дома. Люди были закрытыми. Незнакомцев не любили. Вечером деревня замирала. Дома закрывались на засовы. На улицах становилось пусто. Каменные фонари, покрытые мхом, начинали светиться. Люди говорили, что свет нужен не им – а тем, кто приходит ночью. Сэйдзи приехал в Ямагири под вечер. Он ехал на телеге, запряжённой лошадью. Одежда у него была тёмная, лицо почти не видно под широкими полями соломенной шляпы. Он выглядел уставшим. Никому не

говорил, куда на самом деле направляется. Когда-то Сэйдзи был художником, талантливым и известным. Его кисть легко передавала движение облаков, шелест воды, взгляд человека. Но однажды он проснулся и не смог нарисовать ни линии. Словно кто-то вычеркнул свет изнутри него. Он отправился по храмам, в поисках ответа.

Жрецы одного из высокогорных святилищ, куда добираются только пешком и с проводниками, провели обряд очищения, дали ему ритуальные чернила, велели поститься и молчать семь дней. Один старик, не назвавший своего имени, честно признался ему:

– Ты потерял не свои способности, а голос души. Если хочешь вернуть – найди кагэ-но мусумэ. Она слышит тех, кто за гранью. Только она может вернуть тебе цвет и линию.

– Почему она? – спросил Сэйдзи. – Откуда мне знать, что она существует?

– Потому что ты уже слышал её имя. Иначе не пришёл бы сюда. Такие имена выбирают тебя сами.

Так он и оказался в Ямагири. Когда он въехал в деревню, на улицах было тихо. Никто не встречал его. Лишь из-за занавесок кто-то смотрел, но никто не выходил. Но одна старая женщина, сидевшая у ворот, пробормотала ему вслед:

– Ищи фонарь.

– Что простите? – спросил Сэйдзи. – Мне вовсе не нужен фонарь.

– Еще как нужен. – сказав это старушка лукаво улыбнулась. – Никто еще не искал без фонаря. Говорят, давным-давно в деревне на краю гор жил человек по имени Дзюн. Он был упрямым и гордым, и всю жизнь отвергал обычаи. В ночь, когда юные впервые идут к святому фонарю просить о своей судьбе, Дзюн остался дома. Он говорил: "Я сам найду свой путь. Мне не нужны свет и знаки". Прошли годы. Он стал стар, но так и не нашёл своего места. Тогда, в отчаянии, он ушёл в лес, решив пройти дорогу без света. Он верил, что в темноте встретит свою истинную суть. Никто его больше не видел. С тех пор в рощах шепчут: если идти ночью без фонаря, можно услышать, как кто-то зовёт: "Это ты?.. Я всё ещё ищу…" Говорят, это голос Дзюна. Он не нашёл свою судьбу – и стал тем, кто теперь мешает находить её другим. В нашей деревне всегда учат: "Бери свет с собой. Даже если это только тёплый огонь внутри тебя. Без него дорога ведёт не к себе, а в чужую тень."

Он не понял, что она имела в виду, но запомнил слова. Ночью Сэйдзи не сомкнул глаз. Он ворочался на узком мат-

раце, прислушивался к скрипу дома, к песням цикад. Но среди этих звуков был один – тонкий, как царапина на стекле, – будто кто-то шептал его имя. Сначала он подумал, что это сон. Но когда шёпот повторился в третий раз, он встал. Босиком, в тонком кимоно, он вышел из дома. Земля под ногами была холодной и мокрой, как будто дождь прошёл недавно, хотя он не помнил, чтобы небо хмурилось. Воздух был неподвижен, но чувствовался запах камфоры и прелых листьев – как в храмах, где молятся предкам. Он не знал, зачем идёт. Не знал, куда. Но каждый шаг был будто продиктован извне. Голос – не женский, не мужской, просто… зов – становился всё чётче. Не громче, а яснее. Он вёл его, как тонкая нитка. Сэйдзи проходил мимо колодца, где, по старинной легенде, жила вода с памятью. Люди говорили, что если в полночь посмотреть в него, можно увидеть не своё отражение, а тот миг, в котором свернула твоя судьба. Он не решился заглянуть. Миновал каменную статую Дзидзо – защитника детей и путников. Ему поклонялись те, кто потерял близких. У подножия лежали маленькие игрушки, красные вязаные шапочки и чаши с монетами. Кто-то только что поставил чашу с паром от свежего риса. Сэйдзи кивнул статуе, как живому стражу. Он свернул на узкую тропу, ведущую вглубь рощи. Фонарь, о котором говорили, стоял у подножия дерева камэда – старого клёна, листья которого не опадали даже зимой. Его свет был неярким, будто исходил не от огня, а от чьего-то дыхания. Сэйдзи остановился, вглядываясь в мягкое свече-

ние. Он чувствовал себя не как человек, идущий по земле, а как персонаж сказки, которую когда-то рассказывала ему бабушка. В той сказке герой отправлялся на поиски своей души, потерянной во сне. И путь к ней начинался со света фонаря в мрачном лесу. Сэйдзи не боялся. Не потому, что был храбр. Просто внутри него, среди тоски и утраты, разгорелось странное спокойствие. Как будто всё происходящее – правильно. И этот шаг, сделанный босыми ногами по влажной траве, был шагом домой, даже если дом – уже совсем не тот, что был когда-то. У фонаря стояла не девушка, а нечто – силуэт, словно вытканный из тумана и света. Оно не двигалось, но Сэйдзи знал: оно его ждёт. Он не мог различить лица – было ли оно человеческим, или его не было вовсе. Но голос прозвучал ясно, будто у него в голове:

– Ты всё ещё ищешь, – сказал дух. – Идёшь без фонаря, но не боишься тьмы.

Сэйдзи не ответил сразу. Воздух дрожал, как будто колебался от незримого ветра. Он чувствовал холод, но не от погоды – от присутствия чего-то древнего. Что-то, что знало его имя до того, как оно было сказано впервые.

– Я перестал видеть образы своих картин, – прошептал он. – Это ли не страшных кошмар художника. Тут даже фонарь не поможет отыскать то, чего нет, разве не так?

– Нет, – ответил дух. – Ты идёшь туда, где всё началось. Чтобы понять, почему всё кончилось.

Ветви старого клёна шевельнулись без ветра. Тонкие звуки, похожие на колокольчики, пронеслись сквозь рощу. Сэйдзи почувствовал, как земля под его ногами стала чуть мягче, как будто приняла его.

– Помни, – прошептал дух. – Те, кто шепчут, не всегда говорят правду. Но и ложь их – тоже путь.

С этими словами фигура исчезла, будто растворилась в свете фонаря. Но шёпот остался – он больше не был зовом. Он был следом.

– Ты Ками[1], – прошептал он. – Или юрэй[2]?

Голос не сразу ответил. Он будто раздался внутри головы, но был чёткий, спокойный:

---

[1] в синтоизме духовная сущность, бог. Согласно определению Мотоори Норинага, данном им в его комментариях к «Кодзики», ками именуются божества неба и земли, описанные в древних писаниях, и их тама (духи), обитающие в посвящённых им святилищах.

[2] призрак умершего человека в японской мифологии. Отличительной особенностью классического юрэй является отсутствие ног, хотя в современном восприятии привидения могут быть и с ногами.

– Мы между. Нас не видно. Только слышно.

Сэйдзи напрягся. Глубоко в лесу зашуршали листья. И в этом шуме он уловил нечто иное – не слова, а намерения. Как будто множество голосов, невидимых и разрозненных, собрались в одно: говорили о нём, обсуждали, как незнакомца на чужой земле. Как судьи, что не нуждаются в языке, чтобы вынести приговор. Шёпоты усиливались – прерывались, сливались, и снова рассыпались. Он чувствовал их не ушами – всем телом, как дрожь по коже. И в этой тишине он понял: он стал частью чего-то, что старше и глубже всего, что он знал раньше. Он пошел обратно, и каждое его движение было механическим, словно он не контролировал их. Все казалось нереальным. В голове метались мысли, похожие на шёпоты, которые он только что услышал в лесу. Неужели это была правда? Неужели этот свет и тень, этот голос, что говорил с ним, существовали на самом деле? Или всё это был сон, нечто, что он сам придумал, чтобы оправдать свою потерю? Он пытался убедить себя, что завтра проснется в своей комнате в Ямагири, закутавшись в татами, и забудет обо всем. Всё это будет просто кошмаром, который растворится с первым лучом солнца. Но ощущение было другое – его руки всё ещё дрожали, а в ушах продолжал звучать тот самый голос, почти неслышно, но всё же присутствующий. Он вернулся в дом, шагая по холодному деревянному полу и думая о том,

как важно было бы просто отключиться, забыть, спрятаться под плотным одеялом и оставить свои вопросы в стороне. Но тьма леса, те голоса, та фигура у фонаря не отпускали его. Сэйдзи чувствовал, как странное спокойствие, что пришло с его встречей с духом, всё ещё тянет его вглубь леса, к истокам, о которых он не знал. Почему это всё было связано с ним? Почему именно сейчас? Почему он, а не кто-то другой? Он опустился на татами, скрючился, обвив руками колени. Его взгляд стал пустым, он пытался закрыть глаза, но не мог. В его голове был только один вопрос: "Что если это правда?" После этого он моментально заснул.

В деревне давно говорили о старом обряде – “омияке”. Он был так назван в честь традиционного японского сувенира, мешочка для сладостей в форме фонарика, сшитый из полосок ткани. Его проводили в Ямагири раз в двадцать лет, в ту самую ночь, когда луна стояла прямо над Бамбуковой Рощей. По легенде, в эту ночь духи, что жили между мирами, могли говорить с людьми напрямую. Не шёпотом, а ясно. Их назвали “хибику” – звенящие. Жрецы готовили священный чай из листьев, растущих только на склонах гор. Его пили те, кто желал услышать забытых. Но чай открывал не только уши – он открывал душу. Если в ней была ложь или страх, духи могли забрать её целиком. Последний “омияке” прошёл много лет назад. После него трое людей исчезли. С тех пор обряд запрещён. Но старики шепчутся – скоро снова

настанет та ночь. И если кагэ-но мусумэ всё ещё здесь, духи снова заговорят. Теперь Ямагири оживал. Но не совсем так, как раньше. Потому что не все голоса, что слышатся в лесу – добрые. И не все шёпоты – предупреждение. Иногда они – приглашение. И не всегда есть путь назад.

Сэйдзи лежал, неподвижно вытянувшись на татами, слышал тихие шорохи ветра, и вдруг – что-то неуловимое затянуло его в мир снов. Он оказался в лесу. Это был не тот лес, что он знал, не те тропы, что он когда-то проходил. Всё было другим – он стоял в тени огромных деревьев, их стволы были покрыты мхом, а ветви устремлялись высоко в небо, где не было звёзд. Луна едва просвечивала сквозь листву, её свет был холодным и мертвым, как серебро, потерявшее свой блеск. Сэйдзи попробовал сделать шаг, но земля под ногами была странной. Она не была твёрдой или мягкой – скорее, как жидкость, в которой тонкие корни пробиваются и стелются, как змеи. Он ощутил, как его ноги поглощает земля, и от этого его сердце сжалось. Он посмотрел вокруг. Ветра не было, но всё казалось наполненным звуками. Сэйдзи пытался сосредоточиться, но шёпоты становились всё громче, будто голоса из разных времён, из разных миров сливались в одно целое. Они говорили его имя, но он не мог понять, что они хотят ему сказать. Всё звучало как часть чего-то древнего, забытого. Сэйдзи почувствовал, как его душа начинает колебаться.

Это было похоже на испытание. Он был здесь, но одновременно он чувствовал, как его тело начало таять в воздухе, как если бы его не существовало вовсе. Он снова пытался отступить, но в этот момент перед ним возникла огромная арка, вырезанная в камне, покрытая мхом. В этом камне было что-то древнее и запечатлённое, что-то, что не менялось веками. За аркой была тьма, и он знал, что там скрыто что-то важное. Он не мог не идти дальше. Сэйдзи был зажат между решимостью идти и страхом, который сжимал его сердце. Он не знал, что делать, но что-то тянуло его. Он сделал шаг вперёд, ещё один, и перешагнул через порог арки. В этот момент мир вокруг него начал меняться. Всё стало размытым, и он оказался в другом месте – в том же лесу, но уже другом. Он стоял у родника, который был знаком, как будто он видел его много раз, но никогда не подходил так близко. Из воды поднималась тонкая вуаль тумана, и, когда Сэйдзи посмотрел в воду, он увидел отражение… своё собственное, но совсем другим – его лицо было искажено, как будто затуманено, его глаза были пустыми, как глубокие ямы, а кожа казалась серой и мраморной. Шёпоты снова начали нарастать, но теперь они звучали как предупреждение, как отголоски тех, кто прошёл этот путь до него. Они шептали о потерях, о том, как всё заканчивается, и о том, что время не вернёшь. Сэйдзи чувствовал, как его тело слабеет, как он теряет что-то важное. Он не мог больше слушать. Он закрывал уши, пы-

тался убежать, но каждый шаг казался невозможным. Он не мог уйти, не мог вернуться. Он стоял на краю, и всё вокруг него было туманным и неясным. В этот момент всё исчезло. Он открыл глаза, и оказался в своём доме. Но всё было не так, как раньше. Всё было темным, и даже воздух казался тяжёлым. Как если бы он вернулся, но не совсем сюда. Он был снова на татами, и только шёпоты оставались с ним – тихие, едва слышные, но всё более отчётливые, словно напоминание о том, что произошло. Он больше не был один. И теперь ему оставалось только решить, что с этим делать.

Он встал, раздвинул сёдзи и вышел в сад. Утренняя роса блестела на каждом листе, как крошечные зеркала. Каменные дорожки вели к пруду, где плавали карпы, лениво раздвигая гладь. Сад был устроен по всем правилам – сухой ручей из белой гальки, аккуратно подстриженные сосны, каменные фонари. Даже тишина здесь казалась ухоженной. Он вдохнул аромат цветов османтуса и чуть горький запах сосновой смолы. В этом простом утре было что-то трогательное, почти забытое – спокойствие.

Он пошёл дальше, углубляясь в рощу, туда, где стволы становились толще, а воздух – плотнее. Вскоре тропинка исчезла, и он оказался перед старым мостом, перекинутым через ручей, едва слышный под мхом. Мост был каменный, изъеденный временем. На его перилах были вырезаны символы, почти стёртые, но один знак Сэйдзи узнал – то же имя,

которое ему назвала жрица: Кагэ[3]. На другой стороне моста его никто не ждал. Ручей журчал спокойно, как и прежде. Камни под ногами были скользкими, воздух – влажным, будто всё пространство здесь только что проснулось от долгого сна. Но что-то изменилось. Ветер перестал шептать, и это тишина казалась неестественной – как перед бурей, как перед тем, как кто-то говорит важное. Сэйдзи сделал шаг вперёд. На обочине тропы, под выступом старого корня, он заметил что-то странное – узел из тряпки, завязанный по-детски, с кривым узлом. Он наклонился и осторожно развязал его. Внутри были старые листы бумаги – выцветшие, с обуглёнными краями, хрупкие. Пахли дымом, ладаном и чем-то ещё… чем-то знакомым. Он развернул первый лист.

"Я слышала их снова. Они звали меня по имени, но сегодня голос был другим. Тот, кого я раньше боялась, – он пел. Он звал не снаружи, а изнутри. Я не знаю, как это объяснить. Как будто моя кровь знала его напев."

Подписи не было. Но почерк был живой – чуть неуверенный, женский. Он листал дальше.

"Сегодня я увидела мальчика. Он стоял у старого колодца и смотрел в воду. Я хотела подойти, но голос остановил меня. Сказал: «Он ещё не слышит». Это был голос моего

---

[3] тень

брата. Или кого-то, кто помнит его."

Сэйдзи замер. Что-то в этих словах отзывалось внутри – не воспоминанием, а как будто тенью воспоминания. Он не помнил этого колодца. И всё же чувствовал, будто когда-то стоял у него. Дальше был рисунок. Угольный, на потрёпанной бумаге. Простая линия рощи, фонарь и фигура – девушка в кимоно, сидящая у дерева. В её глазах – не страх, не грусть, а сосредоточенность. Она слушала.

– Какая печальная и красивая девушка – подумал он.

Сэйдзи положил страницы обратно, завязал узел и спрятал его в складки своего хакама. И пошёл дальше по тропе, которая, казалось, теперь узнаёт его шаги. Каждый куст, каждый поворот дышал памятью. Не его – чужой, но вплетённой в его путь. Он не знал, куда приведёт эта дорога, но знал – где-то впереди будет дом с семью ступенями и лотосом на двери. И, может быть, там он узнает: кто эта девушка, и почему она слышала шёпоты до того, как их начали слышать другие.

Глава 2. Девушка у фонаря

Аой стояла у рощи, где рос старый каменный фонарь. Он был треснутый, в зелёном мху, но светил. Свет был тёплый, мягкий. Не как от свечи или масла. Будто кто-то в нём жил. Она жила одна. Её семья исчезла десять лет назад. Они ушли в лес и не вернулись. Люди в деревне говорили, что они "перешли". Никто не объяснял, что это значит. С тех пор её избегали. Но она осталась. Готовила себе еду, собирала травы, прислушивалась к лесу. Её слух был острым. Слишком острым. Она не видела странных существ. Никогда. Но она слышала их. Их голоса. Их разговоры. Иногда – их дыхание. И чаще всего – их шёпот. Особенно ночью, когда всё вокруг затихало, когда казалось, что даже трава перестаёт расти. Сначала она не понимала, что означают эти звуки. Они казались случайными, как ветер в камышах. Но со временем начала различать – одни голоса были добрые, тихие, будто старики, рассказывающие сказки. Другие – злобные, мрачные, как будто шипели сквозь зубы. Были и такие, что пели. Их она боялась больше всего.

Из дневника Аой:

“Мне было восемь лет, когда я впервые услышала шёпот.

Я сидела на крыльце, смотрела, как мама режет рыбу, и вдруг листья в роще зашуршали, как будто кто-то звал меня по имени. Я подумала, что это ветер. Потом снова услышала: "Аой… Аой…" Я побежала в лес. Там был старый пень, и рядом с ним лежал мёртвый ворон. Его глаза были открыты, и я почувствовала, что он слушает, как и я. Я закричала и убежала домой. Потом мама сказала мне, что лес всегда что-то говорит. Главное – не отвечать."

Но я отвечала. Тихо. Просто "да" или "я здесь". И с тех пор слышала их чаще.

Позже я начала различать, кто есть кто. Я тренировалась каждый вечер, сидя у фонаря. Сначала просто прислушивалась. Потом стала вести записи: голос грубый, голос шепчет быстро, голос повторяет моё имя… Так я научилась распознавать их.

А в один из вечеров я услышала голос брата. Он сказал: "Не бойся. Я здесь". Я знала – это не сон. Это был он."

С тех пор Аой стала записывать всё, что слышала. Её дневники хранились в деревянном ящике под полом. Иногда она перечитывала старые записи и замечала, что некоторые голоса возвращаются. Одни и те же интонации, похожие фразы. Казалось, кто-то наблюдает за ней постоянно, но не показывает себя. Она начала выделять повторяющиеся фразы

и составлять карту – карта шёпотов, карта звуков. Однажды ночью Аой услышала не просто голос – голос начал рассказывать ей целую историю, будто открывал перед ней завесу прошлого. Он был старческий, с сиплым дыханием, как у больного. Голос рассказывал легенду о духе женщины, что жила в фонаре. Этот дух, как говорили старики деревни, потеряла ребёнка в лесу в день, когда солнце не взошло. Она бродила среди деревьев, зовя его по имени, пока не потеряла голос. Тогда она зажгла фонарь, чтобы светом привлечь душу сына. Свет не погас, даже когда пошёл дождь и началась буря. Люди говорили, что в ту ночь её тело исчезло, но свет остался. С тех пор фонарь светит, даже если никто его не зажигает. Дух той женщины остался в нём, и теперь он зовёт других, кто слышит, как она когда-то слышала. Этот дух был раньше человеком, женщиной, потерявшей своего ребёнка и оставшейся между мирами, прислушиваясь к голосам, как и Аой.

– Она тоже слышала, – сказал голос. – Но в конце не выдержала и пошла за ними… Печальная история.

Аой не знала, кто рассказывает, но история звучала так, словно дух предостерегал её. Или… готовил? Она нашла под корнями старой сливы небольшую керамическую табличку с вырезанными иероглифами. Надпись была выцветшей, но разборчивой: «Голос – это не всегда зов. Иногда это ловуш-

ка». Той же ночью ей приснился лес, где деревья были пустыми внутри, как высушенные трубы. В каждом дереве – голос, застрявший и зовущий. Она проснулась в холодном поту. За окном была тишина, но фонарь светил чуть ярче, чем обычно. В следующие дни шёпоты начали меняться. Они стали говорить не с ней, а между собой. Будто обсуждали её. Однажды она услышала: “Она уже близко. Она слушает. Она помнит.” Аой не знала, кто именно говорил, но знала: это приближается. В одной из пещер за деревней, куда она однажды зашла, чтобы спрятаться от дождя, она нашла вырезанные в камне знаки – такие же, как в её дневнике, только древнее. Там кто-то записывал голоса ещё до неё. Кто-то тоже слышал. Она сидела там часами, слушая, как ветер уносит слова вглубь скалы. И однажды услышала имя – своё. Не просто «Аой», а полное: Аояма Нокару. Так звали её прабабушку, о которой никто не говорил. На следующей неделе она разобрала старый ящик с вещами, что остался от родителей. Среди тряпья, бумажных амулетов и сушёных корней она нашла свиток, завернутый в ткань цвета мха. Свиток оказался дневником её матери – тонкие, выцветшие страницы, исписанные плотным почерком.

“Если ты читаешь это, значит, ты тоже слышишь. Прости, что мы ушли, но это был наш долг. Мы – не просто семья. Мы – хранилище.”

На следующих страницах были описания ритуалов. Один – с фонарём. Омияке. Там говорилось, что он не просто источник света. Он – якорь. Между мирами. Пока он горит, миры не сливаются. Пока кто-то слушает – ещё можно вернуться. Аой смотрела на фонарь иначе. Он стал ей не только местом уединения, но и узлом чего-то большего. Возможно, самой границы. Она пыталась найти еще какие-то зацепки, хоть какую-то оставленную ее родней подсказку. Но был только этот дневник, только вопросы без ответов. Аой разложила всё на полу: амулеты, кусочки бумаги с заклинаниями, обугленные палочки благовоний, засушенные лепестки лотоса и выцветшие ленточки с непонятными символами. Один из амулетов – плоский круглый камень с трещиной – вдруг потеплел у неё в руке. Она перевернула его. С обратной стороны была выгравирована крошечная спираль, почти незаметная. Рядом – крошечный символ, похожий на ухо. Той ночью, как только воздух остыл и сверчки начали свою тонкую песню, Аой надела амулет с выгравированной спиралью и вышла в лес. Она не взяла фонарь – только тонкий кусок древесной коры с вдавленным в середину угольком. Её шаги были бесшумны, как у зверя. Она шла вглубь, туда, где когда-то услышала голос брата. Теперь деревья стояли так близко друг к другу, что их ветви сплетались в свод, не пропускающий даже звёздный свет. Воздух был густой, будто напитан не влагой, а чужим дыханием. Она ощущала под ногами мох, скользкий, живой. Каждый её шаг отзывал-

ся внизу – в корнях, в камнях, в чём-то невидимом, но чувствующем. Шорохи усиливались. Она остановилась. Тонкие вибрации окружили её – не звуки, а пульсация, едва ощутимая, как если бы кто-то касался самой земли изнутри. Аой опустилась на колени. Амулет на груди нагрелся. Она приложила ухо к земле, откуда исходила дрожь. Внутри, в самой сердцевине почвы, будто кто-то постукивал. Ровно. Сначала три раза. Потом пауза. Потом снова – три. И голос. Не шёпот, не зов. А как будто эхо памяти, возвращающееся из другой эпохи.

«Вернись… начни с воды…»

Она отпрянула, глаза расширились. Это было не воображение. Она направилась к старому колодцу. Он прятался в зарослях полыни, сгорбленный временем, заваленный пыльными досками. Место избегали все – даже птицы здесь не пели. Доски были трухлявыми. Она убирала их одну за другой, чувствуя, как воздух меняется. Плотный запах сырости ударил в лицо, а за ним – пряный, тёплый аромат мёда и едва уловимый – пепла. Как будто в глубине колодца недавно сгорела свеча. Она зажгла самодельный светильник – сухую ветку, натёртую древесной смолой – и опустила его в темноту. Пламя колебалось, отражаясь от влажных стен. На глубине пяти шагов она увидела это: ткань, зацепившуюся за выступ камня. Вырезанный символ спирали. И – дневник.

Она спустилась осторожно, ступая по вбитым в камень гвоздям и корням, как по лестнице. Колодец дышал – прохладой, воспоминаниями, чем-то древним. Дневник был плотно завёрнут в лаковый платок, потрескавшийся от времени. Когда она раскрыла первую страницу, чернила вспыхнули синим, словно реагируя на свет. Страницы были неровные, выдранные из разных источников, но почерк был один – крупный, сосредоточенный, будто писавший знал, что времени мало.

“Чтобы слушать, нужно не просто ухо. Нужно пустое место внутри. Вода знает это. Колодцы не молчат – они ждут.”

Каждая страница открывала обряд, ритуал, след. Некоторые были туманны – «принеси тень с холма в сосуд, когда ветер дует с востока», другие – завуалированы символами, загадками. Одна из записей говорила о зеркальном озере, что появляется лишь в полнолуние в дальнем ущелье. Там якобы можно увидеть своё «отражение, которое слушает» – если не боишься потерять голос. Другой – о трещине в скале, в которую нужно сказать своё имя шёпотом трижды, чтобы услышать, кто его шепчет обратно. Каждое упоминание приводило Аой к новому пути, новому испытанию. И все они сходились к одному: к раскрытию Истинного Якоря. Фонарь в роще – лишь часть. Лишь врата. Но за ними было что-то куда глубже. Что-то, что слушает её уже сейчас. И она пошла дальше.

Аой шла по тропе, давно поросшей мхом. В руке она держала амулет, который теперь слегка покалывал ладонь, будто реагируя на близость чего-то важного. Путь к озеру был описан в дневнике: “Ищи камень в форме руки. От него – семь шагов на север, три – на восток. Озеро появится только в тишине. Смотри не глазами – дыханием.” Она нашла камень. Он и вправду напоминал ладонь, выброшенную из земли. Когда она прошла указанные шаги и остановилась – ничего не было. Лишь мрак, листья, серое пространство между деревьями. Но потом… Ветер исчез. Вся тишина мира сконцентрировалась в этой точке. Даже её собственное дыхание стало чужим, ненужным. И тогда между стволами, словно отразившись от самого воздуха, появилось озеро – гладкое, как полированное стекло. Оно не отражало луну. Не отражало её. Оно отражало… что-то другое. Воду нельзя было назвать просто водой. Это была поверхность воспоминаний. Аой подошла ближе, но остановилась. На другой стороне кто-то уже стоял. Он был высокий, но не угрожающе. В руках держал свиток, и волосы – чуть небрежные, будто он давно не заглядывал в зеркало. Его одежда была поношенной, как у человека, который давно в пути, но ткань – хорошая, с вышивкой на вороте. Жреческая. Он стоял уверенно, но глаза… глаза были будто у тех, кто потерял что-то важное и всё ещё ищет, не зная, что найдёт. Аой заметила, как он чуть склоняет голову – жест вежливый, даже старомодный. Он смотрел на неё

не с подозрением, не с удивлением. А будто знал. Не её, но саму суть её присутствия.

«Он тоже слушает», – подумала она. – «Но слышит ли?»

Аой почувствовала странное сжатие в груди. Она не знала его, но где-то внутри – в костях, в крови, в памяти, которую она не проживала – почувствовала: он видел её раньше?

– Ты… – прошептал он, и шагнул ближе к воде. – Я видел тебя раньше. В храме. На свитке. Ты стояла у фонаря. Девушка с печальными глазами…

– Я не была в храмах. Но моя мать говорила: если имя исчезает, образ остаётся.

Мужчина кивнул ей. Он не чувствовал страха – только осознание, что он здесь не случайно. И что она – тоже.

– Как тебя зовут? – наконец спросила его Аой.

– Сейдзи. А ты, возможно, та самая кагэ-но мусумэ? Честно, думал ты будешь… не такой юной.

Его слова странно отрезанировали в Аой, она даже немного была уязвленной, словно, она не оправдала ожиданий этого незнакомца. Она не любила, когда её оценивают – даже через шутку. Особенно в этом. Особенно – когда речь шла о том, кем она стала.

– Ты ожидал кого-то древнего, с белыми волосами и глазами, затянутыми пеплом? – тихо ответила она, скользнув взглядом по воде, будто сам озёрный свет мог ответить вместо неё.

Сэйдзи приподнял бровь, чуть улыбнулся, но быстро вер-

нул себе серьёзность.

– Нет, – сказал он после короткой паузы. – Я ожидал кого-то, кто знает, как пройти туда, где граница размыта. И кто слышит, когда другие – только молчат.

Это был не комплимент, не лестность. Это было признание. Аой медленно кивнула.

– Тогда ты всё-таки кое-что понял. Но ты не спросил главное. Зачем я здесь? Почему я ещё осталась?

– Я… думал, ты уже не живёшь, – сказал он, осторожно. – Я видел твой образ на старой свитке. Ты же хранитель?

Её глаза чуть расширились.

– Хранитель чего?

– Голосов, – произнёс он. – Или… Перехода. Я пока не уверен. Но тот, кто писал свиток, утверждал: пока есть такие, как ты – дверь не захлопнется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.